

29.6.96.

Фестивальный ажиотаж, охвативший в последние годы матушку Русь, имеет, как и все на свете, свою изнанку. Любой из существующих ныне фестивалей рискует превратиться из праздника в рядовое будничное явление — не секрет, что модное поветрие и хорошая традиция легко обрастают тиной инерции. Побывав недавно в Казани на юбилейном, X Нуриевском фестивале, я своими глазами увидел, как Театр имени Мусы Джалиля упрямо сопротивляется этому микробу будничности.

Руди был бы доволен

Культура. — 1996. — 29 июня. — с. 13

Андрей ХРИПИН

Праздник пока удается — во многом благодаря рационализму и жесткой политике директора Рауфа Мухаметзянова (журнал "Балет" присудил ему даже высокопарный титул "Рыцарь балета"). Ставка на приглашение крупнокалиберных солистов (заслуга Натальи Садовской, своеобразного артистического менеджера фестиваля) в сочетании с безупречной боеготовностью стационарной труппы служит гарантом столичного качества. Тем не менее спектакли уже который год идут одни и те же — и в этом главная опасность.

Казанский фестиваль получил имя Нуриева не сразу — лишь в 1993 году, после его визита в столицу Татарстана, когда Рудольф Хаметович впервые встал за дирижерский пульт и провел под занавес VI фестиваля представление "Щелкунчик" с Надеждой Павловой. На вопросы местной прессы, почему он выбрал для дирижерского дебюта именно Казань, Нуриев отвечал, что это никак не связано с его татарским происхождением (он считает себя гражданином мира), а целиком является заслугой господина Мухаметзянова, который сразил своим предложением выступить в любом амплуа в любое удобное время. Кроме того, из Казани родом мать Нуриева, Фарида-апа, которая всегда защищала его от отца, кадрового военного, запрещавшего маленькому Руду даже мечтать о сцене.

Татарский балет — труппа особая. Это театр-музей, где в соответствии с подлинником бережно восстановлены шедевры мировой классики. Но это и театр-гастролер, до трех месяцев в году проводящий в зарубежных турне. Охвачены уже не только столичные и провинциальные города Германии, Голландии, Ирландии, но даже фестиваль в Хельсбрунском парке, который входит в программу "офф" Зальцбургского фестиваля. Контакты с западными импресарио принимают

все более цивилизованные формы, и это стимулирует творческий и технический рост артистов — короче говоря, художественный руководитель балета, в прошлом ведущий характерный танцовщик театра Владимир Яковлев вместе с репетиторами может гордиться достигнутыми результатами.

Десятый Нуриевский собрал в Казани созвездие мастеров и талантливой молодежи. Это был замечательный парад разных школ, стилей, индивидуальностей. В непроизвольном соревновании дуэтов с легкостью, присущей только юности, победили лучезарные, счастливые Екатерина Березина и Данила Корсунцев из Московского театра Касаткиной — Василева, самая гармоничная пара фестиваля. Они стали безусловными фаворитами публики — здесь им устроили такую овацию, с какой они вряд ли когда-нибудь столкнутся в холодной Москве. Хотя поначалу "Щелкунчик" в кричащих пестротой, небрежных декорациях В. Окунева ничего экстраординарного не предвещал — обычный "училищный" спектакль с хореографией Вайнонена, в котором первую часть танцевали очаровательные казанские дети из только что открывшегося училища.

Царственный петербургский академизм, одухотворенный в то же время драматической выразительностью, олицетворяла Юлия Махалина в "Баядерке" — несколько мелких помарок не в счет, когда перед вами, наверное, самая оптимальная после Комлевой Никая. Не в идеальной форме предстала выдающаяся, но не всеми понятая, балерина наших дней Кайе Кырб в "Лебедином озере": и техническое брио "черного" акта, и лирический экспрессионизм "белого" прозвучали на сей раз приглушеннее и не так эффектно, как обычно. Наверстать упущенное Кайе смогла в гала-концерте — интеллектом, "сосредоточенной" графичностью поражала ее Жизель, в который раз заставляла зал онеметь ее неистовая Клеопатра.

Жаль только, что не слишком соответствуют суперклассу двух прим их постоянные партнеры: сильно выросший в "школьном" отношении, но по-прежнему желовесный и однообразный Александр Курков и — особенно — вялый, анемичный Виестурс Янсонс.

К числу исполнительских фиаско с грустью приходится приобщить Жизель японки Рики Исии Танака и Гамзатти Нины Сперанской из Большого театра. Первая была на редкость бездушна; бессмысленные телодвижения с серьезными техническими изъятиями мало что говорили о душевных движениях героини — сцену сумасшествия и весь второй акт оттанцевал и отыграл за балерину старательный, аккуратный Олег Кожанов из Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Вторая просто — на просто с трудом стояла на пуантах, хотя в картине "на каблучках" верно выявила темперамент балетной Амнерис. Роль Китри (в отличие от многих других) идеально ложится на актерские данные Веры Тимашевой из касаткинского балета, но нелепое падение в картине дриад и со скрипом открученные фуэте несколько смазали хорошее общее впечатление. Наоборот, все в порядке с техникой у симпатичной пары из Перми Натальи Моисеевой и Виталия Полещука в "Сильфиде", но им существенно не хватало личного начала, чтобы стать событием фестиваля.

Бисер обаяния, озорства и акробатической пиротехники метал перед ошарашенной публикой японец из "Русского балета" Мориhiro Ивата в вариации Золотого божка ("Баядерка"), в Китайском танце из "Щелкунчика" и в юмористическом близзовом номере В. Гордеева под названием "Инструктаж пассажиров перед авиаполетом в Теннесси", где изображал чернокожего пилота. Во вставном па-де-де из "Жизели" мы увидели завтрашний день мужского танца — пока еще поученически пресного, но с колоссальным потенциалом Геннадия Недвигина из московской труппы "Ренессанс". Философический номер "Монолог" на музыку Х. Родригеса, выдержанный в эстетике Бежара (хореограф Георгий Ковтун), показал в концерте одаренный киевлянин Сергей Бондур — "голый человек на голой земле" пытается постичь гармонию и дисгармонию Вселенной, найти свое место в этой "квинтэссенции праха".

Хозяева фестиваля, казанские солисты, не затерялись на столь звездном небосводе и сумели на деле подтвердить, что сами тоже из звездной породы. Прежде всего это мастер актерского перевоплощения, одинаково сильный и в классике, и в модерне, и в национальном спектакле молодой Вадим Яруллин — он был захватывающим, игриво-зловещим Шурале, милым, общительным Шутом, убедительно воплотил мужской вариант "Тема" Елены Богданович. Мажорное начало, силу, упругость всегда приносит на сцену казах Бахытжан Смагулов — Базиль, Былыр в "Шурале". Как заправские драматические актеры выглядели Рифат Абулханов (Великий брамин) и Дмитрий Мочалов (Лесничий); оба в своих "злых" героях искали доброе и чистое — акценты оригинальным образом корректировались. Жизнеутверждающей кодой фестиваля стали почти идеальные фуэте Елены Щегловой в гран-па из "Корсара" и лирика проникновенной Ирины Хакимовой в сценах из яacobсоновского "Спартак" и нуриевского "Ромео". Думается, что великий танцовщик остался бы доволен искусством своих соплеменников.

Не всегда помогли, а иногда даже откровенно мешали солистам темпы, предложенные дирижерами Игорем Лацанником, Владимиром Васильевым и Рашидом Скуратовым (особенно в "Баядерке" и "Сильфиде") — впрочем, здесь сказали скорее издержки фестивального процесса, недостаток времени, репетиций. Выверенно в темпоритмическом отношении и красиво по звуку провел "Шурале" Талгат Ахметов.

Жемчужиной Нуриевского фестиваля, что, естественно, повторяется каждый раз, стал татарский вариант "Лебединого озера" — балет Фарида Яруллина "Шурале". Сказочный символизм Тукая, водопады драгоценных мелодий, гениальная хореография Яковсона. Этот спектакль идет здесь всегда, и всегда зал полон. В годы ученичества, когда праздновали 60-летие СССР, мне почему-то пришлось на ум разучить фортепианную сюиту из "Шурале", но только теперь я чувствую, что полюбил этот балет всем сердцем. Да и чем еще может быть так сильно очаровано жаждающее экзотики воображение странника, как не исконно национальным? Ведь это — самое сокровенное.

КАЗАНЬ — МОСКВА

Нуриев Рудольф (фестиваль)